

УДК 93/94

Сталинский неонэп как предтеча массовых репрессий 1937-38 годов на Европейском Севере

Stalin's neonep as the precursor of mass repressions of 1937-38s in the European North

© **Шубин** Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: serg1946@atknet.ru

© **Shubin** Sergey Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
E-mail: serg1946@atknet.ru

Аннотация. В статье раскрывается авторская версия одной из причин массовых репрессий 1937-38 гг., вытекающих из феномена неонэпа 1934-1936 гг., сложившегося на короткое время в стране после отмены карточной системы и своеобразной передышки после «наступления по всему фронту» нового, по-большевистски возводимого социализма.

Ключевые слова: Неонэп, отмена карточной системы, результаты «великого» перелома, обвинения во вредительстве, массовые репрессии и их последствия

Abstract. The article reveals the author's version of one of the causes of mass repressions of 1937-38 arising from the phenomenon of Neonep (New Economic Policy) of 1934-1936, which lasted for a short time in the country after the derationing and a kind of a respite after the overarching of the new Bolshevik-built socialism.

Keywords: Neonep, derationing, results of the "great" fracture, accusations of sabotage, mass repressions and their consequences

Введение

О репрессиях, в том числе и на материалах Северного края, написано немало. Однако исследования носят по преимуществу эмоционально-эмпирический характер. В данной статье автор попытался проследить некую логику репрессивной политики 1930-х гг., заострив внимание на трёх факторах: *во-первых*, раскрыть феномен неонэпа 1934-1936 гг., возникший в стране после отмены карточной системы, как одну из причин массового сталинского террора; *во-вторых*, оценить характер обвинений во «вредительстве» и их влияние на ход массовых репрессий; *в-третьих*, показать последствия кадровых «чисток» 1937-1938 гг. для социально-экономического развития Европейского Севера.

Удержаться у власти на ухабах «великого» перелома 1929-1930 гг. сталинское руководство сумело лишь при помощи жестоких репрессий. Затем репрессии стали необходимы

в качестве прикрытия неэффективности реформ первой половины тридцатых годов, не достигших обещанных результатов особенно в социальной сфере.

Дело в том, что параллельно с кадровым террором в 1929-1933 гг. формировалась власть номенклатурной бюрократии, сплоченной пайково-карточными привилегиями, не пользующейся поддержкой основной массы населения. К 1934 году Сталин, обладающий исключительной интуицией, не мог не почувствовать раскола между массами и привилегированной партийно-советской бюрократией. Находясь на юге, 22 октября 1934 года он пишет Кагановичу: «Нам нужно иметь 1 миллиард 400-500 миллионов пудов хлеба для того, чтобы уничтожить в конце этого года карточную систему по хлебу, недавно ещё нужную и полезную, а теперь ставшую оковами для народного хозяйства» [1, с. 790]. В историографии, по мнению автора, не нашло должного отражения совпадение по времени двух очень важных событий: между отменой пленумом ЦК ВКП (б) в ноябре 1934 года карточной системы на хлеб (начала квазирыночной экономики — неонэпа) и убийством С.М. Кирова. В день убийства Сергея Мироновича Сталин собственноручно подготовил постановление ЦИК СССР, получившее название «Закон от 1 декабря», по которому была введена практика осуждения и уничтожения обвиняемых без участия в суде сторон и без кассационных обжалований [1, с. 790]. Сталин, таким образом, решил сразу две задачи: 1) отменой карточной системы он, в определённой мере, выравнивал социальное положение людей в возможности обеспечить своё выживание и благополучие за счёт самореализации; 2) репрессиями против сформировавшейся номенклатуры вождь по-монарши стремился «замириться» с народом.

Однако в процессе такого своеобразного социального потепления, в форме пусть и ущербного рыночного неонэпа, в 1935-1936 гг. не только понизился накал классовых противоречий, но и возник естественный вопрос об ответственности за последствия предшествующих преобразований, приведших страну к голоду, лишениям и гибели миллионов людей. Анализ недостатков предшествующего неонэпу периода был вызван зачастую против воли центра стремлением объективно разобраться в том, что было содеяно в условиях так называемого широкого наступления социализма.

Эту особенность отмечает и известный историк, философ М. Гефтер: «Один благородный человек, талантливый историк, прошедший все круги ада говорил мне, с улыбкой вспоминая и 1934, и 1935-й, — пишет он: «Это была весна. Весна писательского съезда и отмены карточек, ликвидация политотделов и передачи земли в «вечное пользование» колхозам, снижения темпов индустриализации и упора на благосостояние, весна возрождения забытых историков вместе с реабилитацией избранных эпох и фигур из «проклятого прошлого»,

весна готовящейся новой конституции и упразднения классовых барьеров. Самокритика была в разгаре. От партийных и беспартийных (совместные активы) доставалось и наркомам» [2, с. 353]. Сущность сталинского неонэпа раскрывал В. Роговин в своей работе [3]

Документы тех лет помогают лучше представить истоки и смысл массовых репрессий 1937-1938 гг. Оказывается, далеко не все обвинения, предъявляемые, скажем, руководству Северного края, были беспочвенными. Конечно, ошибки были вызваны, как правило, недостаточной компетентностью управления, прежде всего партийного или, как тогда говорили, директивного, руководствующегося не столько здравым смыслом, сколько большевистскими догматами, да неистовым стремлением региональных лидеров сделать карьеру, а правящей верхушки — сохранить власть. В короткий период неонэпа эта некомпетентность в определённой степени становилась очевидной. Трудно не согласиться, например, с логикой неонэповской критики руководства Северного края, которая легла в конце 1937 г. в основу обвинительных заключений новой волны репрессий.

Подвижники и жертвы «великого» перелома

Впрочем, дадим слово документам, опуская присущую тому времени шпионско-уголовную риторику. Вредительская деятельность, по заключению обвинительных документов, в лесной промышленности шла по следующим линиям: срыв лесозаготовок; вредительство на сплаве; вредительство в лесопилении и лесоэкспорте — продаже по заниженным ценам леса иностранным государствам; озлобление трудящихся невозможными культурно-бытовыми условиями, задержками выдачи зарплаты. «Лес — основа развития нашего Севера, — отмечалось далее, — подорвать, расстроить, уничтожить эту основу — значит нанести сокрушительный удар по всей экономике Севера. Вот почему давалась установка всеми мерами и способами истреблять леса Севера, ...навалиться на лес всем миром, рубить направо и налево, где попало, работать в лесу от темпа до темпа, сучьев не убирать... На наш век хватит»¹. Читаем дальше: «Рубки леса проводились бессистемно, относились на конец сезона. Организовывались штурмы — испытанный метод врагов: затягивать, а потом, когда уже дальше нельзя было тянуть, надо было принимать соответствующие меры. Сотни людей снимали из хозяйственных организаций, из учреждений и бросали их в лес. Этим самым одним выстрелом убивали двух зайцев: с одной стороны, штурмовщина, кроме вреда ничего

¹ Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (Далее ГААО. Отдел ДСПИ). Ф. 296. Оп. 1. Д. 262. Л. 32.

не приносящая, а с другой стороны, вносили дезорганизацию в десятки и сотни учреждений, ибо руководители этих учреждений находились в лесу»².

В результате штурмовщины, регистрируется далее в обвинениях подвижников «деревянного Донбасса», — «...ежегодно в лесу у пня оставалось от полутора до двух миллионов кубометров древесины... По самым ориентировочным подсчетам, за 1931-1936 годы у пня оставлено свыше 12 миллионов кубометров древесины... Захламление леса вело к ветровалам, благоприятным условиям для заражения лесов вредителями (короедом) и для лесных пожаров»³. Обвинители не забыли и того, что «...трудящиеся каждое лето задыхались в дыму от лесных пожаров, колхозники и колхозницы сотнями и тысячами отрывались от колхозных полевых работ. Если бы посчитать все прочие убытки, то это будет астрономическая цифра, перед которой, пожалуй, бледнеют размеры убытков от хозяйничанья на Севере генерала Миллера»⁴.

Припомнили, что «...особенно активно орудовали вредители на сплаве, где вредительская деятельность шла главным образом в следующих направлениях: а) срыв подготовки к сплаву; б) разрушение первичных рек Севера; в) игнорирование и срыв решения правительства о запрещении молевого сплава; г) срыв механизации сплава; д) перенесение основной тяжести сплоточных работ на осенний период; е) срыв приплава леса в Архангельский порт»⁵. Во всеуслышание было объявлено, что «...молевой сплав был центральным звеном вредительства. Вредители немало сделали, чтобы лес несло в море. В результате, по грубому подсчёту, на протяжении ста километров Унской губы по левому берегу лежало минимум как два миллиона кубометров леса. В таком же состоянии были берега Онежской и Мезенской губы и весь правый берег Белого моря»⁶.

Аргументация обвинений подвижников «великого» перелома выглядела достаточно убедительной в том отношении, что нельзя было сводить экономику огромного региона к лесной промышленности: «Нельзя забывать, что край является богатым полезными ископаемыми. Мы имеем уголь, цинк, нефть, гранит, гнейс, громадное количество строительных материалов, известняка, гипса и т. д. Враги, пробравшиеся в геологоразведочный трест, старались скрыть богатства нашей советской земли. Говоря об экономике Архангельской области, мы должны со всей очевидностью подчеркнуть огромное значение сельского хозяйства,

² Там же. Д. 45. Л. 13-14.

³ Там же. Д. 44. Л. 2-4.

⁴ Там же. Д. 262. Л. 91-92.

⁵ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 45. Л. 14-15.

⁶ Там же. Д. 262. Л. 93.

...не должны забывать, что она является родиной замечательной породы скота — Холмогорского скота»⁷.

Логика выводов практически неопровержима, она, действительно, была результатом критического осмысления «штурма социализма» на рубеже 1920-30-х гг. в короткий период неонэпа 1935-36 гг. Именно в это время был отменён молевой сплав по Северной Двине, ставился вопрос о необходимости перебазирования в глубь северной тайги мощностей лесопильной промышленности, форсировалось строительство целлюлозно-бумажных комбинатов. С принятием нового колхозного устава в 1935 г. изменялась к лучшему атмосфера в северных деревнях. Это время можно назвать своеобразным отрезвлением после ультра-социального «запоя», сравнимого с 90-ми гг. прошлого века и потому сохраняющего актуальность по сей день.

У каждого времени — свои герои

Таким в Северном крае накануне массовых репрессий был, опять же, судя по документам, Дмитрий Алексеевич Конторин. В Архангельске он работал с 1927 года, сначала инструктором губкома партии, потом заведующим отделом, секретарём городского комитета, с 1929 года в севкрайкоме заведующим отделами, третьим секретарём, с января 1932 года — вторым, а с февраля по октябрь 1937 года первым секретарём обкома ВКП(б) сначала Северной, а потом Архангельской области⁸. Симпатии он вызывает за то, что, придя к власти, пытался исправить перегибы «великого» перелома. В книге «Холодный дом России. Документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера» опубликовано его выступление на бюро обкома по вопросам плана 3-й пятилетки от 19 июня 1937 года и докладная записка Сталину и Молотову с требованием изменить отношение к Архангельску в снабжении продовольственными и промышленными товарами от 29 июня того же года. Выступая перед подчиненными, он ставил задачу «...облагораживания лесной продукции. Сколько отходов в лесу? Мы из хлыста берём 30% полезной древесины, а более 60 — бросаем в лесу. Почему не подумать над мелкими газогенераторными установками, мелкими заводиками?»

Другое его суждение связано с проблемами электрификации. «Получается, в проекте плана или ручной труд и все остальное игнорируется, или прямо к электрификации идут. Или всё топором, или сразу электрификация. А где же промежуточные звенья? ...Мы богаты водой, почему не использовать её для получения электроэнергии. Почему у нас в течение трёх

⁷ Там же.

⁸ Архангельская областная организация КПСС в цифрах. 1917-1981. Архангельск, 1982. С.168

лет около АЛТИ валяются приспособления для ветряков и не используются? На Северном полюсе ветряки дают электроэнергию, а мы не можем использовать у себя эту идею. Нам буквально нужно всё взвесить, чтобы облегчить труд рабочего и двигаться по пути реконструкции всех отраслей народного хозяйства». Секретарь обкома был озабочен многими вопросами. «А Архангельск? — задаёт он вопрос подчинённым. — Долго ли мы будем ходить по одной улице? Надо коренным образом ставить вопрос о благоустройстве Котласа, Великого Устюга, Нарьян-Мара. А возьмите портовое хозяйство, какие вложения по портам. Нет в плане искусства и оперы...» [4, с. 278-279].

Не менее категоричен Д. Конторин и в докладной записке Сталину. Подчеркнув всесторонне роль Архангельска для Севера страны, он обращает внимание руководства СССР на то, что «...ему не уделяется необходимого внимания со стороны руководящих центральных органов. Северный обком ВКП(б) просит приравнять Архангельск в отношении снабжения продовольствием и промтоварами к числу городов, пользующихся первоочередным и преимущественным снабжением вышеуказанными товарами»⁹.

Выражая дух времени, Д. Конторин обращает внимание подчинённых: «Надо продумать все вопросы, особенно вопросы качества, потому что 3-я пятилетка, видимо, будет направлена на рост культуры (подчёркнуто автором. — С.Ш.) производства как вообще, так и по отдельным видам. Материальная база достаточная, чтобы взять известный разбег в области культуры»¹⁰. Вновь, как и в период нэпа, актуальным становилось страшное для сталинского режима слово «культура», которая и могла только обеспечить иммунитет от тоталитаризма. Всплеск репрессий 1937-1938 годов, на наш взгляд, был вызван, с одной стороны, страхом центральной власти перед стремлением людей на местах вскрыть истинные причины неудач «штурма» социализма, а с другой — был использован центром для устрашения общества, для приостановления процесса культурничества в стране, ради выживания сложившегося на крутом переломе политического режима.

Макиавеллист Сталин

Сталин в очередной раз проявил себя блестящим макиавеллистом. В борьбе с некогда популярным в партии Н.И. Бухариным он «подарил» народу на исходе 1936 года новогодние праздники (запрещенные в 1929 году), Конституцию и «свободные выборы». Однако незадолго до принятия Конституции, 25 сентября, он отправил (на пару с А. Ждановым) знаменитую телеграмму Л. Кагановичу, В. Молотову и другим членам Политбюро: «Считаем аб-

⁹ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1. Л. 24-25.

¹⁰ Там же. Д. 35. Л. 5.

солютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. *ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года*. Об этом говорят все работники и большинство областных представителей НКВД (Выделено в тексте. — С.Ш.)»[5, с. 32].

В резолюции февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года по докладу Н. Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» эта телеграфная установка приобрела силу партийного постановления. Массовые репрессии должны были компенсировать «четырёхлетнее опоздание». Тем более что на этом же пленуме Сталиным был с наибольшей чёткостью сформулирован тезис об обострении классово-вой борьбы по мере продвижения «вперёд к социализму»¹¹. 2 июля 1937 года ЦК ВКП (б) предложил обкомам партии в пятидневный срок представить «...состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих выселению» [6].

Массовые репрессии начались в столице Севера после прибытия в начале сентября 1937 года нового начальника управления НКВД по Архангельской области В.Ф. Дементьева. Но особый размах в Архангельске, в Вологде и в Сыктывкаре они получили после визита на Север секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Андреева и проведённого им 4-5 ноября пленума Архангельского обкома партии. Подробнее эти события описаны в книге «Репрессии в Архангельске. Документы и материалы», изданной под редакцией Р.А. Ханталиной в 1999 года.[7].

Выступая на первой Архангельской областной партконференции 15 июня 1938 года, новый секретарь обкома ВКП (б) А.Ф. Никаноров, тоже впоследствии репрессированный, говорил: «Враги, как бы они ни маскировались, куда бы они ни прятались, всё же были застигнуты врасплох ярким прожектором сталинских указаний и пойманы с поличными нашей славной советской разведкой во главе с лучшим сталинцем — народным комиссаром НКВД товарищем Ежовым Николаем Ивановичем. Бандиты, убийцы, поджигатели, шпионы, диверсанты разоблачены, уничтожены и будут уничтожаться самым беспощадным образом, ибо, уничтожая негодяев, уничтожая злодеев, ...наша партия расчищает условия для могучего роста коммунизма, уничтожая агентов фашизма, творит великое дело всего прогрессивного человечества»¹². Начальник Архангельского управления НКВД В.Ф. Дементьев в стремлении превратить столицу Севера в «неприступную крепость социализма» изъяснялся ещё образнее: «Выкопать из этих щелей до последнего человека, до последнего гадёныша, выкопать и разоблачить» [8, с. 55].

¹¹ Там же. Л. 33.

¹² ГАОО. Отдел ДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 262. Л. 2.

Новая волна террора в значительной мере повторяла опыт «великого» перелома. Но если тогда основной удар наносился по собственникам и их защитникам, то сейчас был найден блестящий прием борьбы с «вредителями и вредительством». Блестящий, в том смысле, что очень многое из сделанного в предыдущий период, как мы уже отмечали, вполне можно было отнести к широкому толкованию понятия «вредительство».

И как бы чувствуя зыбкость, двусмысленность обвинений в адрес региональных вождей, исполняющих волю центра, руководство партии стремилось отгородиться от своей прежней линии. На партийных и советских форумах, судебных процессах и в средствах массовой информации внушалась мысль о том, что на местах политику Центрального Комитета партии, сознательно испохабленную, якобы преподносили как линию Партии трудящихся, «...гнули мужика так, чтобы всё делать наоборот»¹³. Можно понять, в каком нелегком положении оказались северяне, поставленные в условия перед необходимостью поиска врагов среди недавних кумиров. Сила Сталина и его окружения заключалась в грубой манипуляции правдой и ложью. Северных мужиков снова «гнули», лишали хоть какой-то ориентации, кроме беспрекословного повиновения воле одному носителю власти — Сталину.

Эшафот или приспособленчество — вот логика авторитаризма

Выжить в той ситуации нормальному человеку было крайне сложно, логика репрессий вела либо на эшафот, либо к приспособленчеству, одурачиванию. Вот характерное выступление секретаря Ненецкого окружкома партии на VII пленуме Архангельского обкома ВКП (б) 16 марта 1939 года Колтакова: «Бывшее вражеское руководство, долгое время орудовавшее в области, всё-таки не уделяло должного внимания развитию оленеводства. Взять такой пример, развитие оленеводства не планировалось. План прироста развития оленеводства не существовал в природе, не доводился до колхозников, а существовал план забоя, то есть вместо развития планировался забой, снижение, сокращение оленопоголовья»¹⁴.

«Видимо, правоту нужно доказать только трупом», — не без основания писал в предсмертной записке покончивший жизнь самоубийством председатель Ненецкого окрпотребсоюза Кожарин Иван Матвеевич, исключённый из рядов ВКП (б) «за связь с чуждо классовыми элементами, за засорение аппарата чуждыми людьми»¹⁵.

Действительно, в тех условиях буквально единицы находили силы оставаться порядочными людьми, отстаивать позиции, так как это делал, например, секретарь Ненецкого окружкома партии Аркадий Дмитриевич Евсюгин [8, с. 131-142], или один из самых ярких

¹³ ГААО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1016. Л. 15.

¹⁴ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 248. Л. 2.

¹⁵ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 65. Л. 65.

представителей архангельской интеллигенции тех лет Андрей Андреевич Евдокимов. Опубликованная переписка его с семьёй лишней раз подчёркивает силу человеческого духа одного из ярких представителей интеллигенции тех лет и одновременно абсолютную бесчеловечность организаторов репрессий [9].

Преследование, массовое уничтожение «вредителей», «врагов народа» вело не только к понижению общего уровня квалификации северян, но и к элементарному дефициту толковых специалистов и руководителей. За два неполных последних месяца 1937 года в Архангельске было арестовано свыше 1100 руководящих работников [8, с. 24]. Почти двести человек были осуждены в Сыктывкаре после пленума Коми обкома ВКП (б) 1-2 ноября 1937 года [10, с. 244]. В 1937-1938 гг. на ответственную работу было выдвинуто около четырёх тысяч человек взамен репрессированных. И это были лишь первые жертвы террора на Севере. В последующем только в региональном управлении Федеральной службы безопасности по Архангельской области было реабилитировано более 21 тысячи репрессированных [8, с. 56, 65].

В Архангельске и в значительной степени в Вологде и Сыктывкаре были обезглавлены региональные элиты. В докладной на имя Сталина «Об обстановке и о работе партийной организации» от 27 ноября 1937 года, то есть через три недели своей руководящей работы в Архангельском обкоме и, по совместительству, в горкоме партии, А. Никаноров пишет: «О трудностях работы обкома говорить не следует, так как ЦК о них знает. Приведу только одну справку: в обкоме имеется только два заведующих отделами, остальных нет. Буквально пустой облисполком, нет ни одного управляющего лесных трестов, так как они все арестованы» [2, с. 287]. (подчёркнуто автором. — С.Ш.).

В конце 1938 года, сообщая Сталину о состоянии кадровой политики, Никаноров писал: «Мы к руководящей работе выдвинули очень большое количество людей: из 119 секретарей — первых, вторых и третьих у нас 111 работает секретарями год и меньше» [5, 57]. Конечно, такая кадровая политика не могла не сказаться отрицательно на развитии региона. План лесозаготовок 1938 года был выполнен лишь на 56%, вывозки древесины на 65%, не лучше было положение и в 1939 году. Первый секретарь Архангельского обкома ВКП (б) А. Никаноров «за неудовлетворительное руководство лесозаготовками» был снят с работы, а в 1940 году репрессирован. В решении пленума обкома ВКП (б) от 26 февраля 1939 года было отмечено, что наряду с неудовлетворительным руководством лесной отраслью «...бюро об-

кома не организовало настоящей большевистской борьбы по ликвидации последствий вредительства в лесной промышленности»¹⁶.

В марте 1939 года на XVIII съезде партии репрессивная практика на Севере была, правда, в косвенной форме осуждена. Организаторы, вернее, исполнители её так же, как подвижники «великого» перелома, даже были причислены к «врагам народа». Оказывается, «разгром партийного аппарата входил в их планы подрывной деятельности»¹⁷ (а не их вышестоящих вдохновителей. — С.Ш.). Лицемерие вождей партии и готовность к новым кампаниям в духе прежних была налицо. Достаточно поднять историю любого другого региона страны, чтобы убедиться в этом. Секретарь ЦК А. Андреев незадолго до приезда в Архангельск «давал старт» репрессиям на пленуме Куйбышевского обкома ВКП (б), где он, в частности, заявил: «ЦК считает, что борьбы у вас с врагами нет, что вам надо мобилизовать Куйбышевскую парторганизацию на разоблачение врагов». Об атмосфере, царившей после этого в Куйбышевской областной парторганизации, свидетельствует выступление на пленуме ЦК Г.М. Маленкова: «Никто в обкоме толком не знал, сколько райкомов у них распущено: сначала сказали, что 13, потом сказали, что 20, а когда им сказали, что у них распущено 30 райкомов, они удивились. А теперь оказывается, что распущено 34» [11, с. 25-27].

Заключение

Устрашение, террор, репрессии являлись средствами подавления общества, обеспечения единства, спаянности в условиях приостановления неонэпа второй половины 1930-х так же, как на рубеже 1920-30-х гг. Таким образом, сформировавшаяся высшая партийно-государственная номенклатура, превратившись в руководяще-привилегированный класс, мешала другим слоям общества выразить себя как социально, так и регионально, не останавливаясь в достижении цели ни перед какими средствами.

Северу пришлось в этой внутренней войне особо тяжело, так как здесь присущие человеку чувства уважительности, милосердия, сострадания, любви к ближнему подкреплялись отсутствием подозрительности и доверием к власти предрержащим. Репрессии стали своеобразным тестом для выявления и истребления одарённости. Поморская родовитость, которую отмечал Д.С. Лихачёв в северянах, утрачивалась. Лишённые традиций, люди начинали жить исключительно верой в вождей больших и малых. Последствия этого процесса сказались на развитии не только региона, но и всей страны.

¹⁶ Там же. Д. 480. Л. 2; Д. 481. Л. 1-3.

¹⁷ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 10-21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М., 1939. С. 521.

Массовые репрессии против номенклатуры, возобновленные Сталиным в 1937-1938 гг., как раз и помогли ему вновь по-макиавеллистски найти общего врага вождя и народа, «нутряком» не принимающего пайково-номенклатурный социализм. «Править огромной, сведённой к ничтожеству человеческой массой — и притом ненавидящей власть — невозможно, не внося классового разделения в эту массу, — справедливо писал один из самых мудрых закордонных россиян того времени Г.П. Федотов» [12, с. 352]. Виктор Тополянский в «Общей газете» очень точно подметил, что «...в руководстве партии и прежде находили «врагов народа». Но впервые их обвиняли не в «антипартийной деятельности, а во вредительстве и шпионаже», то есть в деле антинародном [13].

Однако добиться единства в советском обществе накануне Великой Отечественной войны не удалось. Об этом свидетельствуют рассекреченные сводки краевого управления ОГПУ¹⁸. Внешняя большая война, можно сказать, стала спасением номенклатурного сталинского социализма, основанного на войне внутренней. Правда, для победы Сталину пришлось буквально продраться к истинным российским идеалам Отечества через антинародную природу режима. Мы ещё далеко недостаточно знаем степень единства советского общества накануне 1941 года. И лучше всего это чувствовал «вождь всех народов», растерявшийся в первые дни войны не столько от неожиданного её начала, сколько от неуверенности в народе, которую он не мог не чувствовать в предшествующие войне годы. Этим объясняется, на наш взгляд, и запоздалость радиообращения Сталина, и необычно проникновенные первые слова к соотечественникам 3 июля 1941 года: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота!» (подчёркнуто автором. — С.Ш.) [14, с. 13].

Об этом убедительно свидетельствует знаменитый тост за доверие русского народа к власти и к нему лично в критический момент Великой Отечественной войны, произнесённый Сталиным на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г.¹⁹.

Литература

1. Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий / Редакторы-составители: В.Т. Белов, О.И. Корытова, В.С. Цыварёв. Архангельск, 1999. 869 с.
2. Бордюгов Г.А. «Сталинская интеллигенция». О некоторых смыслах и способах её социального поведения // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей / Под ред. Г. Бордюгова, И. Нориез, Т.М. Тэкэси. «АИРО-XX», 2001.

¹⁸ ГАО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1433. Л. 78-81; ГАО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 412. Л. 14; Родники пармы. Сыктывкар, 1990. С. 124.

¹⁹ Выступление товарища И.В. Сталина на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/194505kreml.php (Дата обращения: 28.10.2014).

3. Роговин В. Сталинский неонэп. М., 1992. 384 с.
4. Холодный дом России. Документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера / Ред-сост. С.И. Шубин. Архангельск, 1996. 320 с.
5. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов / Сост.: Курилов И.В., Михайлов Н.Н., Наумов В.П.; Под общ. ред. Яковлева А.Н. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
6. Комаров А. Исполнитель. О праздниках и буднях обыкновенного палача // Труд. 1992. 4 июня.
7. Репрессии в Архангельске. Документы и материалы / под ред. Р.А. Ханталины. Архангельск, Изд-во Поморского государственного университета. 1999. 272 с.
8. Ханталин Р. А. Москва — Архангельск: хроника репрессий тридцатых годов // Репрессии в Архангельске: 1937-1938. Документы и материалы. Архангельск, 1999. 272 с.
9. Дойков Ю.А. А. Евдокимов. Судьба пророка в России. СПб., 1999. 190 с.
10. Булатов В.Н. Правда о расстрелянном обкоме // Репрессии в Архангельске: 1937-1938. Документы и материалы. Архангельск, 1999. С. 243-245
11. Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997. 528 с.
12. Мыслители русского зарубежья: Н. Бердяев, Г. Федотов. СПб., 1992. 464 с.
13. Тополянский В. 1937: Большой террор // Общая газета. 2000. № 2.
14. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. 376 с.

Рецензент: Соколова Флера Харисовна,
доктор исторических наук, профессор